

ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБВИ

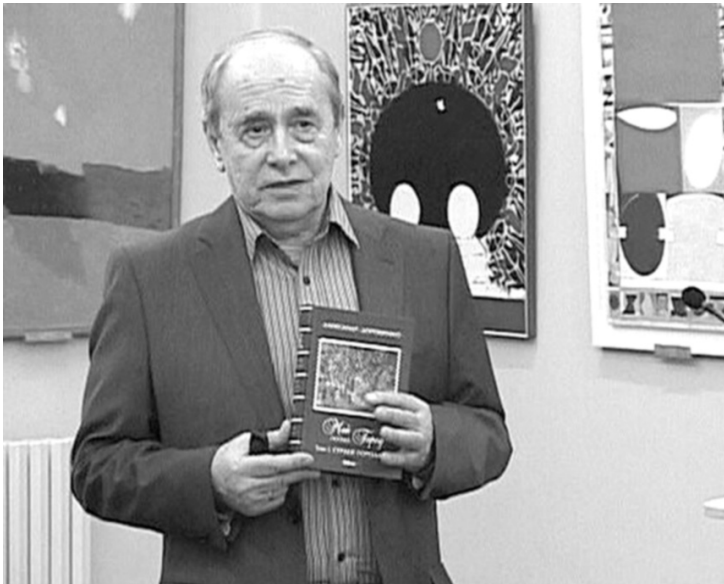
Александр Дорошенко

Старший маленький брат

В громадных наших дворах собак было много, и были они домашние и дворовые. Впрочем, они тогда все были беспородные, просто одной псине повезло, а другим нет. Которым – нет, те жили во дворе, их кормил весь двор, и в самые сильные морозы кто-нибудь давал приют в теплом сарае. Мы же, мальчишки, равно любили всех своих псов и различия между ними не проводили. У собак наших была своя система отношений, кто с кем дружит или не очень, но приход чужой собаки в наш двор всех сплачивал в единодушном и свирепом отпоре. Правда, собаки чужих дворов эти правила знали хорошо и судьбу не искушали. С котами дворовыми (они все, хитрые бестии, устраивались в домах и имели хозяек) наши собаки жили мирно. Так, слегка шугануть, загнав на дерево, но это для порядка, поскольку за каждым котом стояла хозяйка, а с нею хорошие отношения означали иногда косточку.

Дворовые псы ночами исправно несли службу. Дворники исчезли вместе со старым режимом, когда на ночь обязательно закрывались ворота дома и каждый, пришедший позже положенного времени, стучался и давал дворнику какую-нибудь мзду. Такой дворник играл роль консьержа. С революцией это ушло в прошлое, правда, по необъяснимой причине ушло вместе с воротами, и у большинства дворов ворот теперь не было вовсе, либо были это некомплектные или вконец разбитые и никак не закрывающиеся ворота. Видимо, ильфо-петровская история с дворником Митричем и пропавшими дворовыми воротами авторами была наблюдаема в реальности времени. Так что наши псы ночами охраняли дом.

Естественными их врагами были гицели. Ездили по утрам, как правило, очень рано, по улицам автомобили с ящиком-клеткой позади. Наверху ящика была крышка, а позади сетчатое окно, так что видны были пойманные бедолаги. Сразу за кабиной с двух ее сторон сидели два собаколова – гицели. У них были кольцевые сетки на длинных палках и на палках же петли. Ловили они любую собаку, покинувшую двор. И вбра-

сывали в свой ящик. Часто бывало, что хозяин, оповещенный об этой трагедии нами, успевал выбежать со двора и, догнав будку, выкупал свою собаку. Не успевшие отправлялись выкупать на станцию. Мы всегда бдитительно следили за гицелями и загоняли своих псин во двор.

Эта утренняя машина на пустых дорогах города была как моторизованный ангел Смерти, как символ трагедии, неслышно подбирающейся к каждому из нас, к каждому, кто нам дорог! Из-за угла, когда ее не ждешь!

Идет беззаботный путник, тихонько напевая песенку, и птица, прервав утренний свой туалет, ответно ему что-то чиркнет, приветствуя наступающий день. Завороженные встречей, любовно рассматривая друг друга, вы стоите на самом углу Зеленого садика, где начинается Михайловская улица и мой дом, у старой акации с корявым и упрямым стволом. А в это самое время, в полной тишине и беззвучии, из-за поворота угла выплывает катафалк, и двое работников Смерти, стоящие по его сторонам, мерно взмахивая косями, пожинают спелую жатву.

Пусть не тебя они губят, но близких тебе, бездомных псов, вбросив в эту клетку, полную смертного страха.

Оставшийся равнодушным, не подымавший камень с земли, – не человек!

Ненависть наша к гицелям (а их к нам, мальчишкам) была

непримиримой. Сколько камней летело в их машину, а мы стремглав убежали в свой спасительный двор. Любой гицель знал, что во двор, наш молдавский двор, ему лучше не заходить.

Долго живя с людьми, собаки становятся на них похожими, перенимая худшее, комплексы и страхи. Растерявшаяся собака становилась легкой добычей гицели, она теряла от страха способность думать и ориентироваться и часто сама шла в сеть.

Но моя Сильва, уже старая во времена моего осознанного детства, дважды на моих глазах легко уходила от собаколовов. Они шла на нее вдвоем, с двух сторон, по отработанной методе, чтобы заставить собаку броситься в отчаянии в любую сторону и угодить в сеть. Сильва ждала, спокойно стоя на месте. И в последний момент, когда гицель вздергивал свою сеть или петлю, она перепрыгивала через его инструменты и легко уходила.

Никогда не забуду, как колотилось сердце: на моих глазах гицели пытались поймать Сильву, не реагируя на мои крики, как оно выпрыгивало из груди, и радостные слезы, когда я обнимал спасающую Сильву и целовал ее морду. А старая мудрая Сильва, с пониманием глядя в мои глаза, виляла хвостом, длинным, пушистым и лисьим, и вылизывала слезы с лица, – слезы, которые мне еще только предстояли на путях жизни.

Стерегающие глаза кошек

Сегодня вечером я стал свидетелем кошачьих разборок. Дело происходило в подворотне дома, что не доходя до Преображенской, если идти по Успенской со стороны моря, по правой стороне улицы. Встретились два кота: один помойной расцветки, с оторванным ухом, крепкий, как репейник, видимо, чей двор, потому что стоял со стороны этого двора; второй, с хвостом-трубой, этот пытался зарулить в чужой двор. Он был ухоженный, явно домашний, имеющий собственную родину.

Сладость родины ощутима, когда ее утратишь! Когда я тормознул, минув двор, они все уже сказали друг другу (я, подходя, слышал этот трехэтажный рев), и теперь пора было от слов к делу. Они бросились одновременно в схватку, и все сразу же перемешалось. Это был не клубок тел – шаровая молния бушевала в подворотне дома, а дому этому двухэтажному, с уцелевшими воротами, распахнутыми настежь, с тяжелыми вездными тумбами, было ровно 175 лет.

И вот я видел и слышал, как трубили в свои трубы ангелы мести и раздора (они сидели рядышком на коньке крыши, как дети любят сидеть на молу у моря, некоторые сидели на веничке дворовых ворот, и ноги одного свешивались, так что через развевающийся на диком ветру схватки подол можно было прочесть инициалы дворового владельца «СЮ» – Соломон Юдовин), как качнулись стены старого дома, и первыми рухнули навзничь ворота, а потом на тротуар рухнули стены, и по ним поехала-покатилась с уместным грохотом крыша...

Соседний дом, стоявший плечом к плечу с этим, рухнувшим, сначала покосился, как-то задумчиво, и так некоторое время стоял, а потом тоже рухнул, и камни, и пожитки, и скарб домашний перемешались, и женщина, голая в ванне, проехала за угол, царапая асфальтовое тело всеми ножками своего транспорта, с ужасом смотря на меня, одетого проходимца...

А коты дрались в восторге и остервенении, летел пух, обрывки усов и ушей, вперемешку с вырванными из стены кирпичами старого дома.

И города моего не стало. Улица стала видна насквозь, как раздетая женщина...

А коты дрались в самозабвении, утратив память о реальности нашей жизни.

Потом они отряхнулись и постояли так некоторое время друг против друга. Пришелец повернулся и пошел прочь. Владелец дома еще постоял, выжидая, потом повернулся идти в глубину своего двора и тут углядел меня, свидетеля. Недовольно передернул хвостом, и я увидел в ограниченном своем зрении целым и нерушимым дом, угловой светофор отчаянно мигал, пытаясь проморгаться, завывали автомобильные клаксоны, и мягкая тень деревьев вновь легла на шершавый асфальт Успенской и на стену разрушенного до основания дома. На моих ошеломленных глазах дом по кирпичику построил себя вновь.

Мы видим внешнюю оболочку вещей и событий. Я случайно стал свидетелем подлинного существования и развития мира.

И впервые понял, – мы в нем, – не главное!

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Аркадий Хасин

Необычные пассажиры

Как-то после выхода моей очередной книги, а вышло их уже более тридцати, позвонила мне одна моя читательница, с неожиданным вопросом:

– Вы пишете о своих морских приключениях, товарищах-моряхах, об интересных событиях. Слышала, что иногда на судах дальнего плавания вместе с командой отправляются в дальний путь и четвероногие питомцы. Расскажите, так ли это, приходилось вам их брать в рейс?

И я вспомнил вот какую историю. Я работал старшим механиком на теплоходе «Большевик Суханов». Это было большое океанское судно, построенное в Польше. Мы курсировали на линии между Индией и Западной Европой, возили чай из индийских портов. Дело было вскоре после 1967 года, когда произошла шестидневная война между Израилем и Египтом. Суэцкий канал был закрыт, и нам приходилось ходить в Индию вокруг Африки, или, как говорили моряки, вокруг всей географии. Рейсы были длительные, по 3-4 месяца, иногда по 5, в зависимости от погоды, а потому довольно утомительные. И случившееся в один из рейсов было для нас приятной неожиданностью.

Как-то по прибытии в Бомбей, где мы должны были загрузить очередную партию чая, начался сезон муссонных дождей. В такую погоду чай грузить было нельзя. Трюмы были закрыты. Экипаж скучал, все фильмы были пересмотрены.

Вот тогда-то на судне и произошло ... пополнение. У нас появился необычный пассажир. Один из наших матросов купил у бродячего индуса за пять долларов обезьянку. Эта маргышка вызвала среди экипажа радостное оживление. Для юркого пассажира был немедленно сооружен просторный вольер. Умелые матросы смастерили в вольере качели. И каждый вечер туда стекался весь экипаж. Самое большое участие и внимание Яшке, так мы назвали обезьянку, уделял наш судовой врач Борис Степанович Григоренко. Он возился с ним все свободное время, мастерил подручными средствами какие-то удобства, а во время вечерних сборов был неистощим на рассказы из жизни обезьян, об их повадках. Сам бегал на камбуз, приносил еду. Полнобилла ее и наша повараха тетя Надя. Она была бездетной и так привязалась к этой обезьяне, что брала ее на руки, целовала, всегда оставляя той что-нибудь вкусненькое. Тетя Надя варила ей персонально кашу. Весело было смотреть, как Яшка справлялся с ее стрипней, уплетал бананы, грыз орехи.

Словом, каждый вечер у нас был обезьяний праздник.

Но однажды захожу я по какому-то вопросу к капитану. И капитан меня спрашивает:

– Аркадий Иосифович, где весь экипаж? Выхожу на палубу – а никого не видно. Только вахтенный матрос скучает у трапа. Где все остальные?

– Как где? – отвечаю, – возле обезьяны.

– Какой еще обезьяны?

Пришлось рассказать о появлении на судне Яшки.

– А паспорт у Яшки есть? – последовал вопрос после некоторого молчания.

Я заулыбался.

– Вы не улыбайтесь, – сказал капитан. – И позвоните ко мне судового врача.

Я бегу на корму. Там, как всегда, очередное представление. Яшка кувыркается, строит рожи, ему аплодируют. Обезьяне, разумеется, нравится такое внимание, и она рада его стараться.

Я позвал Бориса Степановича. Приходим оба к капитану. Тот смотрит строго на судового врача и задает уже ему тот же вопрос.

– Борис Степанович, я только что узнал, что на судне появилась обезьяна. А документы у нее есть?

Наступила очередь смеяться судового врача.

– Зря смеетесь, – возмутился капитан. – Вы что, не знаете, что животное должно быть вакцинировано, у него должен быть паспорт со всеми прививками. Мы сейчас отправимся в Европу, а там нас поставят на карантин, да еще и оштрафуют из-за вашей обезьяны. Немедленно уберите ее с судна.

– Как? – у судового врача вытянулось лицо.

– Вы меня поняли? Иначе я сам сейчас с ней разберусь.

Сообщение о «депортации» Яшки для всех стало громом среди ясного неба, настолько все привыкли к этому забавному зверьку, смышленому и обаятельному. Но услышавшись было нельзя, вопрос серьезный.

Делать нечего, на следующий день матрос, купивший маргышку, вытаскал ее из вольера, надел поводок и повел на бомбейский причал.

И, не поверите, когда обезьянка поняла, что ее выгоняют и с ней прощаются, она начала плакать! Из глаз Яшки катились слезы, как большие горошины. Тяжело было смотреть на эту драматическую сцену.

И что интересно, обезьянка сидела до тех пор, пока мы не отчалили, все пыталась вернуться, подымала лапки, просилась обратно. Наши моряки сбежали на причал, давали ей фрукты.

И когда мы уходили, она стояла, продолжая плакать. Это было очень грустно.

У нас были на судах и коты, и собаки. Кстати, котов в плавании сильно укачивает.

Помню, однажды мы зашли в йеменский порт Аден для бункеровки, чтобы добрать топливо. Стояли на рейде. Подошла топливная баржа. И тут с нее к нам на судно перепрыгнул кот. Вначале никто этого не заметил. А утром, когда вышли в море, бокман мне говорит:

– Там на палубе прячется кот.

А у нас была собака первого помощника капитана, боксер по кличке Альма. Любвью среди экипажа Альма не пользовалась. Она чувствовала себя на судне хозяйкой, могла зайти в любую каюту, разлечься на койке. Человек приходит с вахты, а она его не пускает. Приходилось звать владельца Альмы, только он мог ее прогнать. А тут кот.

Вылез он. Смотрим, – рыжий, облезлый, худой, бока ввали. Посмотрел кот на нас презрительно и медленно пошел в сторону камбуза, откуда шли дразнящие запахи. И в это самое время на прогулку выходит Альма. Мы приготовились увидеть, как кот будет удирать. Но ничего подобного. Кот продолжал медленно идти в нужном направлении. Увидев пришельца, Альма начала грозно рычать. И тут кот, оперившись, смело бросился на любимца первого помощника капитана и вцепился той в морду так, что брызнула кровь. Альма, завизжав, стремительно ретировалась. А кот на камбузе был милостиво накормлен нашей поварахой.

Мы шли в порт Марсель. И этот бывалый морской кот, переехав в Европу, добрался с нами до Марселя. Когда мы швартовались, на причале сидела какая-то кошка. И наш Рыжий, даже не дожидаясь, когда спустят трап, прыгнул с борта к французской подружке, дождавшейся своего «моряка», и они вдвоем величаво ушли.